

Птица надежды

Тихая сельская улица убегает вдаль, упирается в гряду леса. Тороплюсь к Лыченскому медпункту. Утром здесь было многолюдно. Гомон, разговоры о сегодняшней жизни: навоз, пенсии, дрова, дети — все житейские проблемы перелопатят люди, пока ждут приёма. Но к вечеру — тишина. И уставшие за день врачи наконец-то могут пообедать. Меня тоже усаживают за стол.

— Народу сегодня было — кошмар какой-то. Анализов набрали — море. Старее село. Болеют люди

— А вы как, справились со своими делами? — спрашивают меня.

В ответ я только пожимаю плечами: да так, мол, всё нормально. Что я могу ответить? Врачам легче. Они прослушают, прощупают человека, поставят диагноз, пропишут таблетки, уколы. Больному станет легче. А как быть журналисту? Перед глазами сумятица нынешней жизни, калейдоскоп противоречий, котёл, в котором кипят страсти. Сотни вопросов, но не всегда столько же ответов.

Каждый четверг от Реабилитационного центра АО «Славич» отправляется машина с бригадой врачей, чтобы обслужить больных в Лыченцах. И это единственная ниточка, которая ещё связывает славичан с бывшим дочерини предприятием — колхозом «Трудовик». Все остальные связи — финансовые, производственные — оборваны.

А казалось бы, так всё хорошо начиналось несколько лет назад, когда «Славич» принял решение: не расплыться по нескольким хозяйствам, а сконцентрировать финансовую и трудовую мощь на одном — на колхозе «Трудовик». И селяне были «за». В «Трудовик» пошли средства и немалые. Строились дома. Оказывалась большая помощь на всех видах работ.

Однако весной прошлого года колхозники на своём общем собрании решили отделиться от «Славича», жить самостоятельной жизнью.

Разумеется, журналиста не мог не волновать вопрос: почему это произошло? Но ни в департаменте сельского хозяйства, ни здесь — в Лыченцах, однозначного ответа я не нашёл.

Мне говорили:

— Нашлась в колхозе кучка людей, взбаламутила жизнь...

Может, это и так, но кучка кучкой, а голосовал-то коллектив. Что повлияло на его решение? Смута и противоречия сегодняшней жизни? Не разобрались толком? Причины объективные и субъективные?

Лес вопросов, в котором чувствуешь себя словно заблудшая овца. Но, думается, и отвечать на эти вопросы не надо. Что толку ковыряться в головешках, если костёр давно погас. Конечно, АО «Славич» пострадал финансово. Новый руководитель бывшего колхоза, а ныне акционерного общества закрытого типа Александр Павлович Агафонов показывал мне счета за издержки, которые надо возместить славичанам. Но главный пострадавший пока остаётся в тени, и пора, наверное, вывести его на светлое место. А это не что иное, как возрождение России. Сколь часто мы говорим об этом и думаем. Но кто её будет возрождать? Директива из Москвы? Нет. Мы — россияне. Каждый из нас на своём рабочем месте, за порогом дома.

Рухнули крепости и баррикады из догм, цитат, учений, за которыми мы жили долгие годы. Мы оказались полностью у мира на виду. Весь мир смотрит и надеется на возрождение России. И по карте наш Переславский край под самым сердцем её. У нас богатая история. Прекрасные памятники, храмы, монастыри. Мы можем гордиться Александром Невским, Петром Первым, нашим земляком Михаилом Кошкиным — создателем танка Т-34. Эта гордость возвышает нас, но и ко многому обязывает. В первую очередь — быть достойными гражданами России.

Но хочется ещё гордиться и нашим селом, его возрождением. А оно не в высоких словах, а в простых, будничных делах в каждой точке местности.

Лыченцы — типичное российское село. АОЗС «Трудовик» — типичное районное хозяйство.

Нина Ивановна Жукова, председатель профсоюзного комитета работников сельского хозяйства, которая ехала вместе со мной в Лыченцы на медицинской машине, говорила мне:

— «Трудовик» после «Славича» оказался в тяжёлом положении. Зарплаты маленькие, да и те платить нечем. Люди недовольны. Впрочем, поговорите с ними сами, и вам всё станет ясно...

Встречаюсь с руководителями, жителями села, и постепенно в душу входит непонятная, смутная тревога. Откуда она? Ведь до поездки в Лыченцы в Переславле я встретился с Иваном Петровичем Авчинниковым, бывшим председателем колхоза «Трудовик», говорил с ним, и мне было всё понятно и ясно.

— Каким вы приняли хозяйство и чего хотели добиться? — спросил я.

— Я стал председателем в декабре 1991 года. В колхозе было 180 трудоспособных, шла зимовка скота. Был один погрузчик на одиннадцать ферм. Сломался агрегат — хоть караул кричи. Пришлось, где уговорами, где силой приказа, заставлять людей грузить вручную корма. Но в следующую зимовку мы вошли более организованно. За каждой фермой была закреплена лошадь, а погрузчик работал только на центральной ферме. Начал с простого — с элементарного наведения порядка, например, чтобы техника стояла на машинном дворе, а не у каждого шофёра или механизатора под окном.

Предстояла посевная, семян требовалось 300 тонн, а их практически не было. Пришлось добывать их отовсюду — рожь, ячмень, лён, — но посевную провели организованно. Много помогали «Славич» — техникой, людьми. А осенью мы уже засыпали полуторгового запаса семян, и не каких-нибудь, а высококлассных. Посеяли 320 гектаров озимых — они в местных условиях дают лучший урожай. Подняли 400 гектаров зяби, чтобы следующей весной было легче. Планировали в растениеводстве довести урожайность до 18—20 центнеров с гектара.

На следующую зимовку мы заготовили в достатке кормов. Оперативно выкопали картошку, на уборку которой «Славич» ежедневно выделял от 80 до 100 человек, убрали лён. Заскирдовали солому, чего раньше не было — её просто сжигали. Сделали упор на сенаж. А раз кормов в достатке и они хорошие — пошла прибавка молока, увеличился выход и сохранность телят — 100 бычков поставили на откорм — будущий доход. Кормов, кстати, оказалось в избытке, и весной мы их даже продавали.

Мы восстановили сгоревшую в Песках ферму, поставили новое оборудование, подвели дорогу, построили четыре дома. Думали закупить чистопородных коров-ярославок, которые прекрасно приспособлены к местным условиям и при соответствующем уходе могут давать три с половиной, а то и до четырёх тысяч литров молока в год. Расчёт был создать племенное ядро, полностью обновить колхозное стадо, и не только его, но и у всего населения.

Скажу вам, на что я вообще ориентировался. Я прибыл в «Трудовик» из хозяйства, где довольно высокий уровень жизни людей, их культуры, земледелия. Только зерновых мы собирали по 50 центнеров с гектара. Конечно, наскоком, быстро ничего не делается. Но стремиться к этому надо. Возьмите такую проблему, как заготовка кормов для личного скота. Сколько ж она забирает сил, съедает времени у сельян. Думали сено для работников заготавливать полностью силами механизаторов — накосили и привезли во двор. У людей остаётся время обиходить дом, палисадник, поднимается настроение. А это многое значит — настроение людей.

Мечтал, например, привести в порядок машинный двор. Заасфальтировать площадку. Построить дом механизатора с душем и сауной. Была уже договорённость о поставке плит, но мечта не сбылась. Председательствовал я год и четыре месяца — многого и не сделаешь. Заткнуть бы хозяйственные дыры, но всё же начали создавать задел на будущее. Пошли небольшие подвижки в деле, но, — развёл руками Иван Петрович, — всё оборвалось. Подготовил посевную на 93-й год, а колхозники решили расторгнуть договор со «Славичем»...

— При нём, — говорят мне в Лыченцах об Иване Петровиче, — была дисциплина. Для себя лично он ничего не требовал, но спрос с людей за порученное дело держал строгий. Случалось, наказывал крепко, но справедливо. Люди уважали его и шли к нему со своими проблемами, и он им помогал. Пресекал воровство. С его уходом дисциплина пошла на убыль...

Константин Яковлевич Семёнов. Ему 69 лет. Председательствовал в здешних местах 20 лет.

— Семьи, которые пригласил «Славич» на работу в «Трудовик», покидают эти места. Люди же здесь, по-моему, сейчас только и смотрят, как бы что утащить, своровать, продать

да пропить. Так уже и воровать-то вроде нечего — одни комбайны да тракторы остались. Солному осенью бросили в поле. Дело пропащее. Не знаю, что и будет. Заваливается «Трудовик». Мы не в состоянии обрабатывать землю. Словом, и рады бы вновь сесть на поезд, да он уже тью-тью... Далеко ушёл.

Михаил Васильевич Курленко, председатель исполкома сельского Совета:

— Напрасно колхоз расторгнул договор. Об этом же говорят и люди. Можно предъявить, конечно, претензии к качеству строительства, но оно велось. Строили много. У хозяйства появилась перспектива. С уходом «Славича» всё остановилось...

В беседе с исполняющим обязанности директора АОЗС «Трудовик» Александром Павловичем Агафоновым и его заместителем Валентином Николаевичем Бурушиным я пытался найти ответы на многие вопросы. Отмечу, разговор состоялся трудный, но откровенный и достаточно искренний.

Каково же финансовое положение акционерного общества сегодня? По мнению обоих руководителей — оно трудноватое, но, как бы это сказать, не очень. Кредитов свыше 20 миллионов. По сравнению с другими хозяйствами района — это терпимо. Есть предприятия, у которых их по 70 и более миллионов.

Пожалуй, это единственное, если можно так сказать, утешение. Других я не увидел. Урожайность составила семь центнеров с гектара. Посадили по весне 107 гектаров картошки, но вся она осталась в поле. Предложили местным жителям: копайте, кому нужно для себя. 200 гектаров овса ушло под снег.

— В принципе, зимовка скота должна пройти нормально, — говорят мне, — есть 100 тонн фуража, 4 200 тонн силоса, 340 тонн сена. И если не будет перекорма животных — перезимуют...

Помнится, одно лишь звено славичан во главе с А. Гибаловым заготавливало сена в несколько раз больше. Думается, что местные бурёнки нынче не переедят. Корма разворовываются, растаскиваются. Впрочем, этого никто и не скрывает.

На счету «Трудовика» — ни рубля. Все доходы идут только на погашение процентов по кредитам. Да и доходы невелики. Среднесуточный надой от каждой из пятисот коров — поллитра.

Сейчас, чтобы выплатить людям хотя бы по 10 тысяч рублей в счёт зарплаты за минувший октябрь, отправляют скот на мясокомбинат в Сергиев Посад — там платят наличными.

«Вози навоз, не ленись, а там хоть Богу не молись», — гласит народная мудрость. Но иду по селу — рядом с домами стоят машины, тракторы, занесённые снегом. Их много. Возить бы сейчас да возить торф для компостов, но это «Трудовику» не по карману: за тонну торфа Ивановское торфопредприятие требует свыше двух тысяч рублей, без учёта транспортных расходов. Выходит, и поля не получают компостов под новый урожай.

А впереди ещё одна закавыка: в ближайшие два года большинство механизаторов и животноводов, тех, на кого можно положиться в работе, уйдёт на пенсию.

Понятно, сегодняшнему положению «Трудовика» не позавидуешь. Село насквозь продувают суровые ветра времени. Прямо по Тютчеву: «И мы, в борьбе, природой целой покинуты на нас самих...»

— Но первыми мы в районе не умрём! — восклицает Валентин Николаевич Бурушин.

Поразмыслишь над этой фразой, и приходит сравнение: жизнь села напоминает сегодня большую птицу. И взлететь она не может. И умереть она не может. И трепетом крыльев всё время напоминает о себе. Видимо, отсюда и тревожно.

Посреди Лыченец, на взгорке, стоит церковь. Её видно отовсюду, с любой точки. Селяне собирали средства на её восстановление. АО «Славич» помог материалами. Здесь идут уже регулярные службы. Возле церкви разговорился с бабулей: как живётся?

— Да плохо, сынок.

— Что же так, почему?

— Ладу нет в людях, ладу. Разладилось всё. Идут кто в лес, кто по дрова. А всё отчего? Да просто всё: нам много лет говорили, что в здоровом теле — здоровый дух. А в жизни-то оно наоборот выходит — здоровый дух укрепляет тело, даёт силы. Ох, Мать небесная, помоги нам, — тяжело вздохнув, перекрестилась она и пошла в магазин: хлеб привезли.

Мы долго молились на поддельные иконы, дутые авторитеты. Но время, история содрали с них позолоту и вернули нас к древним, первородным.

На Руси издревле так ведётся: «По Сеньке и шапка». В плохих местах и церкви были соответствующие — деревянные. А в Лыченцах — кирпичная, большая. Значит, и земли здесь богатые, и давали людям всё, только не ленись.

Я разыскал в Лыченцах пенсионера, бывшего учителя Василия Николаевича Карайчева. 32 года назад он приехал сюда преподавать в местной школе. Работал и учился заочно. Его курсовая работа была посвящена колхозу «Трудовик».

— Ещё тогда, — говорит он, — здесь получали по 300 центнеров картофеля с гектара. Коровы давали до 3 300 литров молока в год, отличными были урожаи зерновых, льна...

Что же изменилось с тех пор? Пески одолели эти земли? Болота непроходимые? Да нет, представьте, все земли на месте. Заросло, конечно, кое-что лесом — около 30 гектаров. Но воистину: захочет Бог наказать — лишает разума. Изменился человек и его отношение к труду. Под влиянием разных нововведений, как из рога изобилия сыпавшихся на село за последние десятилетия, громких кампаний по «внедрению», «преодолению», «дальнейшему совершенствованию», «борьбе с пережитками прошлого» общественная, коллективная земля утратила власть над человеком. Он стал диктовать ей свои условия, молясь при этом на указания свыше, сводки, гектары, тарифы да расценки. И пахали много, а сеяли, по сводкам, порой больше, чем вспахали, шла постоянная битва за хлеб, а урожай-таки побеждал — уходил под снег. Хлеб в конечном счёте добывали за границей.

Мы переживаем едва ли не самый сложный период в своей жизни. Шквал противоречий обрушился на нас. И в городе и в селе идёт глубинный процесс переосмысления прошлых идей, нынешних событий, фактов. Время обдумывания всеми и всего. Время, когда необходимо отделить настоящие ценности от побрякушек. И опять под сердце закрадывается холодок, вызванный встречами в Лыченцах: намечается тенденция противостояния города и села. Она характерна, кстати, не только для данной местности. По печати, телевидению видишь эту тенденцию и в других местах. Да и в нашем районе — тоже.

Здесь же мне говорят: мы, селяне, проживём на своих харчах даже в том случае, если на фермах не останется ни одной скотины. А вот вы, горожане, попробуйте обойтись без нас.

Думается, ни город, ни село в одиночку выжить при сложившихся исторических обстоятельствах не смогут. Шефские связи прошлого по разнарядке кончились. Но надо искать и находить другие точки соприкосновения — деловые, заинтересованные, взаимовыгодные. И совместными усилиями лечить больную птицу, имя которой — НАДЕЖДА.

Подходит машина. Врачи загружают банки, чемоданчики, и саквояжи. Мы едем в город. Всё дальше и дальше отдаляется село. Думаю: ужель и эта — последняя ниточка — когда-нибудь оборвётся? Ужель?.. Не хочется в это верить. Ведь земля у нас одна и цель у нас одна — возрождение России. И надеюсь, появятся между городом и селом новые связующие нити. Надежда, говорят, умирает последней.